

НИКОЛАЙ ПОЛЕВОЙ: ЗАБЫТЫЙ РУССКИЙ ИСТОРИК

Статья посвящена русскому историку Николаю Полевому (1796–1846) и наиболее значительному его труду – «Истории русского народа». В первой части статьи даны биография автора, общая характеристика книги Полевого, приведены наиболее интересные его рассуждения о русской истории. Здесь же показано развитие взглядов автора на исторический процесс, противоречия между ним и его предшественниками. Вторая часть статьи посвящена рассуждениям Полевого о менталитете русского народа. Доказывается современность его взглядов; в частности, показано применение Полевым к народному характеру принципа историзма, понимание им отличия образа мыслей у разных поколений. Доказывается научная ценность его работы в свете современных представлений о развитии науки. В статье использована отечественная историографическая и методологическая литература.

В истории любой науки (особенно гуманитарной) – если рассматривать ее не как непрерывный и равномерный процесс накопления знаний, а в виде цепочки исследований, открытий, свершений, шажков и шагов к недостижимой вершине – можно выделить три основных типа творцов этой науки. Во-первых, это те, кто определяет основные парадигмы развития, те, кто стоит у истоков новых научных направлений и школ. Их имена известны многим, их заслуги несомненны; жизнь этих людей – источник для бесконечного восхищения возможностями человеческого интеллекта. Во-вторых – те, кто составляет основу любой науки, ее «плоть и кровь» – армия исследователей, каждый из которых одарен и талантлив, и достигает порой на своем «участке фронта» значительных успехов. Их знают коллеги и специалисты; жизнь этих людей – пример беззаветного и бескорыстного служения научным идеалам.

Существует и третий тип ученых – необычайно редкий, но от этого не менее интересный. Условно их можно назвать «забытые пророки». Смерть этих людей, как правило, остается незамеченной; их работы пылятся в библиотеках и архивах; их идеи не оказывают никакого влияния на развитие цивилизации, потому что никто не знает о них. Но по прошествии многих лет (иногда – столетий) исследователь находит на этих страницах поразительные факты и удивительные рассуждения, которые кажутся невероятно современными и актуальными. Ученый, опередивший свое время, непонятый и забытый – вот тема нашего небольшого очерка. Для того, кто изучает эволюцию познания, – тема интересная и важная: дело в том, что изучая подобную «изолированную» научную теорию, мы можем увидеть, какие идеи и процессы определяют развитие науки в целом, какую роль играет конкретный исследователь в общем процессе познания прошлого и каковы детерминанты когнитивного процесса.

Речь пойдет о Николае Алексеевиче Полевом (1796–1846) – публицисте, писателе, историке, литературном критике и о важнейшем его труде – «Истории русского народа», шесть томов которой вышли в свет с 1829 по 1833 г. «История...» – это попытка Полевого создать собственную методологию изучения прошлого, методологию, которая не была должным образом воспринята современниками и «вернулась» в историческую науку лишь спустя много десятилетий. Но прежде чем подробно рассмотреть ее, несколько слов о самом Николае Алексеевиче.

Николай Алексеевич Полевой родился в 1796 г. в Иркутске, в купеческой семье. Впоследствии переехал в Москву, где приобрел известность как журналист, писатель и литературный критик. Полевой не получил никакого образования, даже начального, но, как это ни парадоксально, стал одним из просвещеннейших людей своего времени. Это объясняется, прежде всего, его колоссальной начитанностью и, как следствие, огромной эрудицией. Полевой обладал выдающимся литературным вкусом, прекрасным чувством юмора, и оказал большое

влияние на русскую дореволюционную журналистику. Так, в 1824 г. Полевой начал издавать журнал «Московский телеграф», число подписчиков которого со временем возросло до 2000 человек – явление в России того времени небывалое. «Московский телеграф» на протяжении десяти лет, до своего закрытия в 1834 г., был самым демократическим и либеральным изданием николаевского царствования. Вот что писал о Полевом В.Г. Белинский: «Новая мысль, которую тотчас же начал он развивать с энергией и талантом, ... была мысль о необходимости следовать за успехами времени, улучшаться, идти вперед, избегать неподвижности и застоя как главной гибели просвещения, образования, литературы» [1. Т. 5. С. 469–470]. Здесь необходимо сделать небольшое пояснение: Полевой, несомненно, «забытый» как историк, отнюдь не был «забыт» как журналист и литератор. Ему и его журналу посвящена довольно обширная литература, в которой, однако, «историческая ипостась» Полевого или вовсе не рассматривается, или упоминается, но в связи с его историческими романами и повестями. «История русского народа» не рассматривалась в качестве научного труда многими поколениями отечественных исследователей; вот что об этом пишет П.Н. Милюков в своей книге «Очерки истории исторической науки»: «Игнорировать “Историю русского народа” стало признаком хорошего тона среди тогдашнего поколения ученых (т.е. современников Полевого. – П.Н.-Д.). Последующие же поколения так основательно забыли о ней, что когда понадобилось определить ее значение в развитии русской исторической науки, задача оказалась нелегкой» [2. С. 290]. Среди дореволюционных историков Милюков, пожалуй, отличался самым объективным взглядом на Полевого. Коялович, например, в своей интереснейшей работе «История русского самосознания» посвящает Полевому всего 5–6 страниц, наполненных, к тому же, самыми нелепыми обвинениями в адрес последнего (Коялович объявляет взгляды Полевого «антинародными» и «ненаучными», противоречащими «духу русской истории» и т.п.). В советский период Полевому посвящена всего одна монография А.Е. Шикло. Во всех остальных случаях «История русского народа» лишь упоминается. Именно по этой причине я взял на себя смелость назвать эту небольшую работу именно так: «Николай Полевой: забытый русский историк». Слово «забытый» в данном случае имеет смысл не «преданный полному забвению», а, скорее, непонятый. Ибо, на мой взгляд, ни Милюков (несмотря на свою объективность), ни Шикло не дали исчерпывающей характеристики взглядам Полевого на исторический процесс.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА «ИСТОРИЮ РУССКОГО НАРОДА»

Итак, Николай Полевой, человек либеральных взглядов и широкого кругозора, один из лучших журналис-

тов России 20–30-х гг. XIX в., издал в 1829 г. первый том своей «Истории...». Основная идея этого труда заключена в самом его названии: написать не историю государства и государей, а историю народа. Полевой обосновывал свою точку зрения следующим образом: «Название книги: История Русского народа показывает существенную разницу моего взгляда на историю отечества, от всех доныне известных. Я полагал, что в словах: Русское государство заключалась главная ошибка моих предшественников. Киевское государство... представляло собой особую систему феодальных Русских государств. При таком взгляде... может быть только История Русского народа, а не История Русского государства» [3. Т. I. С. XLIV]. Говоря о «своих предшественниках», Полевой имеет в виду, главным образом, Николая Михайловича Карамзина и его «Историю государства Российского», постоянно вступая с ним в скрытую, а иногда и явную полемику.

В самом деле, «История русского народа» создавалась, во многом, именно как антитеза «Истории государства Российского». У Полевого был принципиально иной, нежели у Карамзина, взгляд на исторический процесс. В предисловии к «Истории государства Российского» читаем: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Правители, Законодатели действуют по указаниям истории, и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей... Она питает нравственное чувство, и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества» [4. Т. I. С. 13]. Это – позиция восемнадцатого века, века Просвещения, которому принадлежал Карамзин. История для него – один из важнейших инструментов Просвещения: основная задача истории и историка – «воспитывать» нынешнее поколение на примере жизни поколений предыдущих. Задача, несомненно, важная и достойная уважения; однако мы не можем назвать такую историю наукой (в современном смысле этого слова).

А вот что сказано в «Предисловии» к «Истории русского народа»: «Лестница бесчисленных переходов Человечества и голос веков научили нас тому, что уроки Истории не в частных соображениях, которые мы можем толковать и преобразовать, но в общности, целостности истории, в созерцании народов и государств, как необходимых явлений каждого периода, каждого века» [3. Т. I. С. XIX]. Здесь сформулирован принцип историзма как основной принцип исторического познания. Карамзин в начале своего труда говорит о пользе истории для воспитания общества; Полевой определяет, что такое наука вообще и задачи истории как науки. Милюков, сравнивая взгляды Карамзина и Полевого, пишет следующее: «История должна не живописать случайные события и благородные характеры, а изображать исторический процесс в его закономерности, устанавливая необходимую внутреннюю связь периодов национального развития...» [2. С. 346]. Милюков вообще подчеркивал именно шеллингианскую сущность идей Полевого; в частности, Милюков обращал внимание на понимание Полевым

исторического процесса как процесса закономерного, причем закономерного как для каждого конкретного народа, так и для всей человеческой цивилизации. Например: «Таинственная мудрость Провидения, в судьбе народов видимая, состоит в том, что именно в свое время, в своем месте является народа, для совершения дела своего в общей истории человечества» [3. Т. 2. С. 140–141].

Полевой выделяет три направления в изучении прошлого, которые считает ошибочными (точнее, ненаучными): «Первое из них, самое первобытное, назовем поэтическим... Человек желал возвысить себя, хотя в Прошедшем, желал озолотить Прошедшее, сводил небо на землю, боготворил людей...» [3. Т. I. С. XV].

Второе направление «можно назвать героическим... оно... заставляло смотреть на все прошедшее, как на нечто великое, и в нем искать причины преимущества, какое человек отдавал сам себе в настоящем» [3. Т. I. С. XVI].

Третье направление Полевой называл «нравственным»; его цель – «учить современное поколение, казавшееся им (историкам. – П.Н.-Д.) ничтожным, против того идеала, который находили они в прошедшем» [3. Т. I. С. XVI].

Какова же «миссия» историка с точки зрения Полевого? «Он должен *отделиться от своего века, своего народа, самого себя* (выделено мной. – П.Н.-Д.). Его обязанность – Истина, чистая, беспримесная, не увлекаемая ни духом систем(?), ни поэтическим огнем...». И далее: «Цели частной нет и не должно быть у Истории, ибо История, как жизнь, есть сама по себе цель... От историка требует Человечество только верного, точного изображения Прошедшего» [3. Т. I. С. XX]. Сделаем небольшую паузу и зададимся вопросом: каким образом у Полевого сформировались такие взгляды на исторический процесс?

Для этого следует обратиться к общественно-политическим воззрениям Полевого, к «программным» целям его журналистской и писательской деятельности и сравнить их с таковыми у его главного оппонента – Карамзина. И тот и другой были сторонниками идеи прогресса. Однако Карамзин полагал основным инструментом прогресса просвещение, т.е. нравственное и моральное воспитание как верхушки общества, так и простолюдинов. Прогресс для него – это развитие именно духовной составляющей человека, его внутреннее совершенствование. Полевой же понимал прогресс, прежде всего, как развитие производительных сил общества, т.е. создание *экономических* предпосылок для будущего величия России; «он пропагандировал необходимость промышленного развития России... т.е. развитие *буржуазных общественных отношений* (курсив мой. – П.Н.-Д.)» [5. С. 28–29]. Впрочем, Полевой также признавал просвещение «главнейшим основанием благосостояния каждого государства»; но для Карамзина просвещение было «нравственным законом», которого человек должен был придерживаться независимо от политической ситуации и вообще от всяких внешних обстоятельств. Он говорил о том, что не нуждается «в Конституциях и Представителях» и будет верным подданным русского самодержца, и в то же время – республиканцем «по чувствам». Есть некий идеал поведения, и необходимо его придерживаться, что бы ни происходило вокруг [6. С. 304].

Полевой же четко разделял просвещение и политическую деятельность, просвещение и экономические от-

ношения, просвещение и науку, наконец. Подобное разделение и есть, собственно, главнейшее основание всякого буржуазного общества: каждый элемент такого общества выполняет строго определенную социальную функцию. В Средние века, например, все сферы человеческой деятельности были необычайно слиты друг с другом: экономика объединялась с политикой, политика — с церковью, просвещение — с наукой и т.п. Полевой утверждал, в сущности, что каждый должен заниматься своим делом: ученый — наукой (в данном случае историей), политик — политикой, просветитель — просвещением. Один человек может совмещать эти занятия, но не должен их смешивать. Следовательно, «от историка требует Человечество только верного, точного изображения Прошедшего», от купца — честной торговли и процветания и т.д.

Вернемся к «Истории русского народа». В первой главе книги Полевой подробно описывает природные условия и население Скандинавии, Европейской России, окружающих ее стран Азии и Европы. Здесь же он рассматривает начальный период русской истории — призвание варягов. Его рассуждения настолько интересны и современны, что необходимо привести их целиком: «...но в наших летописях находим известия, что в 859 году явились Варяги в первый раз на берегах Финского залива и Ладожского озера, обложили данью тамошних обитателей...; что через два года они были изгнаны туземцами, и в 862 году были призваны ими снова, добровольно. Известие явно невероятное, даже по излишней его хронологической точности» [3. Т. 1. С. 48]. И далее: «Но мог ли такой народ, каковы были Варяги, уступить сопротивлению слабых, несогласных между собою народов Финских и Славянских?» [3. Т. 1. С. 53]. Более того, Полевой ставит под сомнение само существование Рюрика и его братьев: «Тройство братьев Варяжских походит на миф. Приходят трое; через два года двое умирают; остается один. Сличите тройство Кня, Щека и Хорива; трех сестер Богемских; трех Ирландских завоевателей и бесчисленное множество подобных басен» [3. Т. 1. С. 54]. И вывод: «...гораздо прежде 859 года Варяги являлись на берегах Финского залива, налагали дани, встречали сопротивление, были изгоняемы и около 862 года только решительно укрепились в землях Чуди, Мери, Веси...» [3. Т. 1. С. 55].

Блестящий пассаж о Рюрике и его братьях показывает, что логические размышления, лишенные чрезмерного пиетета перед сочинением Нестора, дают прекрасные результаты. Полевой оказался прав! Читаем у Гумилева: «Существует легенда о двух братьях Рюрика, Синеусе и Труворе, возникшая в результате непонимания слов летописи: «Рюрик, его родственники (*sine hus*) и дружинники (*thru voring*)». Дружинников Рюрик посадил в Изборске, родственников отправил дальше, на Белоозеро, сам, опираясь на Ладогу, где был варяжский поселок, сел в Новгороде» [7. С. 29].

Мы уже упоминали ранее о том, что Карамзин начинает свою «Историю...» с доказательства ее полезности для просвещения общества, а Полевой — рассказывает о том, как история стала наукой. «Есть разница между простым, врожденным человеку желанием знать прошедшее и тем испытующим стремлением человеческого ума, которое поставило в ряду других познаний наших Исто-

рию. Все знания, все науки начинаются в самых первых действиях человеческого ума. Так и в простом желании знать прошедшее должна была заключаться история... Умственный инстинкт, коим одарен человек, соприкасаясь всему, ко всему прилагается; ...в самом начале человек безусловно видит, чувствует, понимает, верит... Потом наступает другой период умственной деятельности, когда она входит в самое себя, и взяв самое себя за предмет своих действий, требует отчета в том, что мыслила, как и для чего таким образом мыслила. Тогда... человек действует методически там, где прежде повиновался инстинкту... Мышление творит знание, науку, там, где произвольность ставила верование» [3. Т. 1. С. XI–XII].

А теперь перенесемся на сто лет вперед и посмотрим, что говорил об истории Марк Блок: «Неоспоримая прелесть истории достойна сама по себе привлечь наше внимание. Роль этой привлекательности — вначале как зародыша, затем как стимула — была и остается основной. Жажде знаний предшествует простое наслаждение; научному труду с полным сознанием своих целей — ведущий к нему инстинкт... Наш ум, по природе своей, гораздо меньше стремится узнать, чем понять. Отсюда следует, что подлинными науками он признает лишь те, которым удастся установить между явлениями логические связи» [8. С. 5].

Подводя промежуточные итоги нашего краткого экскурса по страницам «Истории русского народа», следует еще раз обратиться к работе П.Н. Милюкова [2]. В ней он кратко и достаточно полно формулирует основное содержание исторической концепции Полевого: «Полевой исходил из мысли, что русское национальное развитие совершенно оригинально и своеобразно. Основной идеей этого развития он считает, подобно своим предшественникам, идею единовластия: единственное его отличие от них заключается в том, что эту идею он не находит готовой в самом начале, а считает закономерно развившейся в течение исторического процесса... Государственная власть медленно, но постоянно крепла в России: ее постепенное усиление и составляет красную нить, связующую разные периоды. Князь — дружинник, принужденный делиться властью с феодалами — норманнами, превращается в князя — родича, вытеснившего феодалов и заменившего их своими родственниками. Таким образом, удельный период был результатом не ослабления, а усиления княжеской власти и, следовательно, был «необходим» в общей связи русской истории» [2. С. 346]. Далее Милюков отмечает, что «необходимость в смысле “закономерности” превращается у Полевого в необходимость в смысле “целесообразности”» [2. С. 347], и указывает на то, что телеология выдвигается на первый план его «Истории...», особенно при описании усиления московских князей; имеет место сближение позиций Полевого с позициями его вечного оппонента — Карамзина. Отмечает Милюков и непоследовательность Полевого, и незавершенность его построений.

Однако основное новаторство методологии Полевого Милюков оставил без внимания. Более того, на страницах «Очерков...» мы встречаем следующее замечание: «Как видим, название сочинения История русского народа означало у Полевого лишь отрицание государственного единства древней Руси и, следовательно, совсем не имело такого смысла, как часто думают знакомые с этой

книгой по одному заглавию» [2. С. 295]. Я же беру на себя смелость настаивать на том, что название «История русского народа», расшифрованное затем Полевым, имеет и другой, чрезвычайно интересный для нас контекст; речь об этом пойдет далее.

НЕПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В МЕТОДОЛОГИИ ПОЛЕВОГО

Понятие «непарадигмальной проблемы» вводит в своей статье А.С. Майданов [9. С. 93–110]. Следует остановиться на нем подробнее, так как это положение удачно характеризует некоторые методологические «прорывы» в «Истории русского народа», о которых будет сказано в дальнейшем.

Майданов начинает с того, что дает определение проблемной ситуации в науке. В общем виде оно звучит так: «...в процессе научного исследования складываются такие познавательные ситуации, которые характеризуются неполнотой, незавершенностью знания об изучаемом объекте или явлении. Проблемные ситуации представляют собой такое состояние знания о том или ином явлении действительности, которое характеризуется отсутствием одного или нескольких необходимых элементов. Благодаря этому проблемная ситуация выступает как противоречивое единство известного и неизвестного» [9. С. 94]. Надо отметить, что, в сущности, весь тот процесс, который мы называем развитием науки, состоит из бесконечного числа таких проблемных ситуаций, каждая из которых, будучи разрешенной, порождает десятки других – и далее, до бесконечности.

Затем Майданов классифицирует проблемные ситуации как «стандартные (рутинные) и нестандартные (оригинальные, творческие). Суть первых заключается в том, что для их решения требуется знание, принципиально не отличающееся от уже имеющегося знания, а кроме того, в существующем арсенале науки имеются средства и методы разрешения проблем, порожденных этими ситуациями. Нестандартные проблемные ситуации... проблематичны в двух отношениях. Во-первых, они содержат в себе какую-либо когнитивную проблему, т.е. проблему, относящуюся к самому объекту исследования, а во-вторых, проблемой для исследователя являются сами способы, методы и средства решения когнитивных проблем. Таким образом, ученый оказывается в ситуации неопределенности как по отношению к исследуемому объекту, так и по отношению к познавательным действиям с этим объектом» [9. С. 96]. И далее: «Проблемы, формируемые на основе таких ситуаций, также являются нестандартными. Их можно назвать *непарадигмальными*, поскольку решение таких проблем нельзя получить с помощью существующих представлений, методов и приемов решения проблем, т.е. на базе имеющихся парадигм. Полученные в результате решения таких проблем знания не укладываются в рамки существующих теорий и представлений. Именно эти проблемы являются фактором, который ведет познание к экстраординарным открытиям, к построению принципиально новых теорий» [9. С. 96].

Итак, некий абстрактный исследователь формулирует некую абстрактную непарадигмальную проблему. Что определяет ее ценность для развития науки в целом? Об

этом, в частности, речь идет в работе И.П. Меркулова «Логика науки и индивидуальное творчество». Например, Меркулов определяет те составляющие, без которых любая, самая плодотворная идея, обречена на неудачу и забвение: «Достижение неординарных результатов, венчающих успешное исследование, предполагает солидный репертуар специфичных для данной области знания теоретических схем, гипотез, моделей, экспериментальных данных и пр., способствующих решению проблем эвристики, поисковых стратегий, исходных планов, которые ученый приобретает и самостоятельно развивает в ходе длительного профессионального обучения и личной вовлеченности в процесс научного познания» [10. С. 101–118]. И далее: «Другими словами, продуктивность творческих актов... далеко не в последнюю очередь зависит от объема экспертных знаний и их предварительной сознательной подготовки, предполагающей глубокий анализ реальной проблемной ситуации в науке, аргументированную критику и оценку имеющихся научных теорий, гипотез, экспериментальных данных и пр. Лишь при этом неперменном условии новые идеи, гипотезы и догадки исследователя могут оказаться действительно продуктивными, способными выдержать огонь рациональной критики и экспериментальных проверок» [10. С. 103]. То есть мало выдвинуть какую-то гипотезу или обозначить какую-то проблему – ее необходимо вписать в существующий научный контекст, сделать ее «рабочей»: в этом случае она «оживает» и становится одним из звеньев в цепи познания окружающего мира. Но что если проблема поставлена как бы невзначай, ненароком? Что если цепочки логических рассуждений обрываются в никуда? Что если идея, выдвинутая ученым, оказывается настолько смелой, что опережает свое время на десятилетия? Она ничем не обусловлена, ниоткуда не вытекает и ни от чего не зависит – она просто есть.

В этом случае мы сталкиваемся с феноменом неverified непарадигмальной проблемы. Явление это довольно редкое, и «История русского народа» – яркий пример постановки подобной проблемы.

Вспомним еще раз начало «Истории...»: своей целью Полевой полагал «написать не историю государства и государей, а историю народа». Таким образом, он должен был прийти (и пришел) в своих рассуждениях к проблеме народного характера, народной, массовой психологии – одним словом, Полевой должен был описать то, что мы сегодня называем емким термином *ментальность*. Главным достижением его методологии можно считать то, что к феномену «народного характера» он применил тот принцип историзма, о котором говорил в предисловии к «Истории русского народа». Полевой рассматривал «народный характер» как нечто, подверженное изменению, и учитывал в своей работе то, что в прошлом этот характер был совершенно иным. Например, Полевой укорял Карамзина за то, что тот «сделал большую ошибку: он *перенес народные поверья наши, нынешние* и известия о Западных Славянах позднейших, к *древним Славянам* (курсив мой. – П.Н.-Д.)» [3. Т. 1. С. 64].

Итак, вот она – непарадигмальная проблема. Если бы Полевой начал развивать этот тезис дальше, то неизбежно столкнулся бы с недостатком теоретической базы. Психология, социология, этнография находились еще в

зачаточном состоянии – а без помощи этих дисциплин невозможно составить непротиворечивую картину образа мыслей людей прошлого. Логическая цепочка «история народа – народный характер – принцип историзма – изменчивость народного характера во времени» не могла быть развита далее по объективным причинам. Ее источником была, по-видимому, гениальная догадка Полевого. Таким образом, проблема не была обусловлена внешними факторами; поставленная Полевым, она не была развита в дальнейшем и «повисла в пустоте».

Одно из лучших рассуждений Полевого о различии психологии его современников и далеких предков касается убийства Олегом киевских князей Аскольда и Дира. Эта чеканная, четкая и ясная формула выглядит так, будто написал ее историк конца XX в., а не первой трети XIX в. Один этот короткий абзац мог бы перевесить все недостатки «Истории русского народа» в глазах будущих исследователей: «Современники не так смотрели на действия Олега, и нам нельзя судить по нашему образу мыслей о делах человека, жившего за девять столетий (до нас), иначе думавшего, бывшего при обстоятельствах, нам неизвестных. Варяг, искавший добычи с мечом в руках и переплывший море для грабежа и разорения земель чуждых, не может быть обвиняем, как гражданин устроенного общества» [3. С. 104].

Остается только вспомнить Блока: «...невозможно осудить или оправдать, не основываясь на какой-то шкале ценностей, уже не связанной с какой-либо позитивной наукой... И вот историк с давних пор слышет неким судьей подземного царства, обязанным восхвалять или клеймить позором погибших героев... Достаточно ли мы уверены в самих себе и в собственном времени, чтобы в сонме наших предков отделить праведников от злодеев? И история, слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой неточной из всех наук – бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями» [8].

В дальнейшем Полевой несколько раз возвращался к тезису о «инаковости» мышления предков. В частности, об институте княжеской власти он писал следующее: «...но как объяснить ту покорность, какую оказывали Князьям Новгородцы на словах и на письме? Духом времени, понятиями людей о предметах, различными в разные времена. Афинянин, раб какого-нибудь хитрого Перикла, называл себя свободным, а вольный Новгород, ограничив власть Князя... кланялся ему, и укреплял постановление именем Князя» [3. Т. 2. С. 72]. Развивая эту мысль далее, Полевой приходит к выводу о сложных взаимоотношениях в системе «общественное сознание – исторический процесс». Например: «Уничтожая самобытность уделов, Иоанн должен был лишать их политической воли, и лишать совершенно и безвозвратно... Покоренному оставалось повиновение совершенное: оно и было; но зато не было внутреннего сознания в благе сей покорности. Следственно, подданные Иоанна повиновались не ему, но имени его, не властителю, но победителю своему. Между Народом и Государем не было, таким образом, ни союза, ни посредника. Прибавьте к этому, наконец, образование мелкой Аристократии воинской, которая, собственно, не входила в разряд мирных граждан, и был устремляема одной высшей волей Иоан-

на, повиновалась ему беспрекословно, но за то не соображала ни прав того, кто повелевает, ни пользы собратьев своих и отечества, ни даже собственных своих прав» [3. Т. 6. С. 28].

Повторю еще раз: все эти пассажи, восхищающие своей современностью и научной актуальностью, – не более чем вспышки на более-менее однообразном фоне. Логические цепочки незавершенны по причинам, о которых было сказано выше. Так в чем же ценность «Истории русского народа» для современных исследователей? Коротко ее можно определить как эпистемологическую. Знание о знании – вот смысл изучения «Истории русского народа» и подобных трудов, «выпавших» из науки.

Существует два основных представления о развитии научного знания. Первое можно назвать линейным. В рамках данного взгляда на науку ее эволюция понимается как равномерный процесс накопления (кумуляции) знаний. Все ненужное, второстепенное, все ошибочные теории и тупиковые пути отбрасываются либо служат «почвой» для новых теорий и гипотез. Однако этот подход представляется упрощенным, ибо действительность, как хорошо известно, с большой неохотой вписывается в подобные жестко-вертикальные схемы. Второй взгляд на развитие науки следует охарактеризовать, как синергетический, т.е. характеризующий историю науки как сложный, самоорганизующийся, нелинейный процесс. Само слово «синергетика» нередко воспринимается негативно, но если подробно расшифровать его, то, полагаю, с его использованием согласится любой исследователь.

Можно привести в качестве примера работу Е.Н. Князевой «Приключения научного разума: Синергетическое видение научного прогресса». Основные составляющие видения научного прогресса. Основные составляющие (*паттерны*, в терминологии автора) синергетического взгляда на науку (и вообще на окружающий мир) выглядят следующим образом (в сокращении): а) принципиальная открытость (незамкнутость) систем научного знания; б) нелинейность научного прогресса; в) самоорганизация когнитивных систем. Нелинейность развития научного знания может быть развернута посредством идей многовариантности, альтернативности путей развития науки (разнообразия подходов, направлений, традиций как предпосылки прогресса), идеи выбора из альтернатив в так называемых точках бифуркации, идеи необратимости эволюции и потери возможностей (скажем, большей плодотворности каких-либо маргинальных «ветвей» развития науки, «забытых» гипотез, а не тех, которые были выбраны историей) и идеи различных темпов эволюции науки». И еще: «Необходимо смотреть на всякое, даже застывшее явление как на определенную эволюционную стадию процесса его развертывания; ход процессов в разных областях эволюционирующей системы содержит информацию о характере ее прошлого и будущего развития; следует учитывать, что существует... многовариантность и альтернативность (развития), как в исторической ретроспективе, так и в перспективе; допускать возможность, что так называемые тупиковые ветви, маргиналии и даже архаика могут быть – в определенном отношении – совершеннее наличного, современного состояния» [11. С. 60].

Вот, собственно, и все; остается лишь подвести итоги. «История русского народа» Николая Полевого представляет для нас интерес не содержащимися в ней от-

крытиями и озарениями, а самим существованием этих открытий и озарений. Главный вопрос для нас – не «что?», а «почему?». Возможность на том или ином уровне управлять хаосом синергетического мира предусматривает изучение бифуркаций этого хаоса, в том числе и «точек ветвления» на древе научного знания. В особенности

интересны случайные отклонения от «магистрального курса» той или иной научной дисциплины – если эти отклонения во многом опережают современный им «стандарт». Если мы научимся определять и отсортировывать подобные «прорывы в будущее», нас ждет новое, глобальное и управляемое НТР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1956.
2. *Милюков П.Н.* Очерки истории исторической науки. М.: Наука, 2002. 540 с.
3. *Полевой Н.А.* История русского народа: В 6 т. М., 1830.
4. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989.
5. *Шикло А.Е.* Исторические взгляды Н.А. Полевого. М.: Изд-во МГУ, 1981. 223 с.
6. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.
7. *Гумилев Л.Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1994. 334 с.
8. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.
9. *Майданов А.С.* Непарадигмальные проблемы, их источники и способы постановки // Эволюция, культура, познание. М.: ИФРАН, 1996. 167 с.
10. *Меркулов И.П.* Логика науки и индивидуальное творчество // Когнитивная эволюция и творчество. М.: ИФРАН, 1995. 225 с.
11. *Князева Е.Н.* Приключения научного разума: Синергетическое видение научного прогресса // Когнитивная эволюция и творчество. М.: ИФРАН, 1995. 225 с.

Статья представлена кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 20 ноября 2003 г.